

Над темой номера
работал

Анатолий
ВИШНЕВСКИЙ

Демография и традиция

"Божественный порядок" возобновления поколений

270 лет тому назад, в 1741 году, увидела свет книга немецкого лютеранского пастора Иоганна Петера Зюссмильха под названием «Божественный порядок в изменениях рода человеческого, подтверждаемый его рожденьями, смертями и размножением»¹. Принадлежа к кругу «политических арифметиков» и будучи последователем так называемой физико-теологии, Зюссмильх видел в изменениях населения доказательство Божественной мудрости, обеспечивающей выполнение библейской заповеди «Плодитесь и размножайтесь!» Зюссмильх сформулировал шесть правил, предписываемых Божественной мудростью: 1) Бог заботится о равновесии смертности и рождаемости. Божественный порядок требует населения, но не перенаселения; 2) Бог управляет смертями таким образом, что продолжительность жизни оказывается достаточной для продолжения рода; 3) Бог дает возможность человеку выжить в любом месте на Земле; 4) Бог повсеместно предписывает человеку некоторую продолжительность жизни; 5) Бог мудро управляет распределением средств пропитания: искусство сельского хозяйства — часть Божественной мудрости; 6) Бог заботится об определенном порядке в воспроизводстве двух полов².

Нет сомнения в том, что Зюссмильх в целом правильно, хотя, может быть, и несколько идеализированно, описывал систему равновесий, на протяжении тысячелетий обеспечивавшую непрерывность человеческого рода. То обстоятельство, что длительное поддержание всех этих равновесий может быть приписано не Божественной мудрости, а, скажем, «мудрости природы» или универсальным законам функционирования сложных систем, ничего в этом не меняет. На протяжении тысячелетий свойственные аграрной цивилизации базовые, фундаментальные условия существования разных народов были сходными, почти не менялись. Традиции народов, закрепленные в их культуре, в том числе и традиции, регулировавшие поведение людей, связанное с их размножением, отражали, фиксировали эти условия в разных их локальных вариантах, помогали их воспроизводить, обеспечивали преемственность и непрерывность возобновления поколений в этих базовых условиях. Следуя Божьей воле или законам природы, эти традиции поддерживали все необходимые равновесия: равновесие полов, равновесие рождаемости и смертности, равновесие числа людей и возможностей их пропитания.

Парадокс истории заключается в том, что трактат Зюссмильха появился тогда, когда описанный им тысячелетний Божественный порядок доживал свои последние дни. Стремительно надвигались события, которые резко нарушили сложившуюся систему равновесий и потребовали установление иного равновесного порядка. Наступала новая эпоха, которая требовала новых правил игры, новой культурной регламентации, новых традиций.

Одним из главных проявлений Божественного порядка в прошлом было чрезвычайно медленное размножение населения Земли, позволявшее поддерживать равновесие между числом людей и количеством средств существования в условиях застойной аграрной экономики. К концу XVIII века – века Зюссмильха – население планеты не достигло еще 1 миллиарда человек – таков был итог

размножения людей на Земле за несколько десятков тысячелетий. Это означает, что каждое следующее поколение по численности почти не отличалось от предыдущего, то есть, что на смену каждой «средней» родительской паре приходило чуть-чуть больше, чем два ребенка. Например, население Европы за первое тысячелетие нашей эры практически не увеличилось. Во втором тысячелетии оно росло, но так медленно, что «еще в XVIII в. направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает... Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли»³.

Медленный рост населения, иногда чередующийся с его сокращением, говорит о массовой малодетности супружеских пар, что, конечно, противоречит ни на чем не основанному мифу о многодетности традиционной семьи. Существует глубоко укоренившееся, но не имеющее ничего общего с действительностью убеждение, что в прошлом у всех народов, в том числе и в России, преобладали или, во всяком случае, были широко распространены, многодетные родители. Это убеждение (служащее, кстати сказать, одним из оснований псевдотеории «потребности в детях») – результат подмены понятий, когда число детей отождествляется с числом рождений без учета смертности. Но смертность вносила очень большие коррективы в фактическое число детей. «Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?»⁴ — писал Ломоносов, современник Зюссмильха.

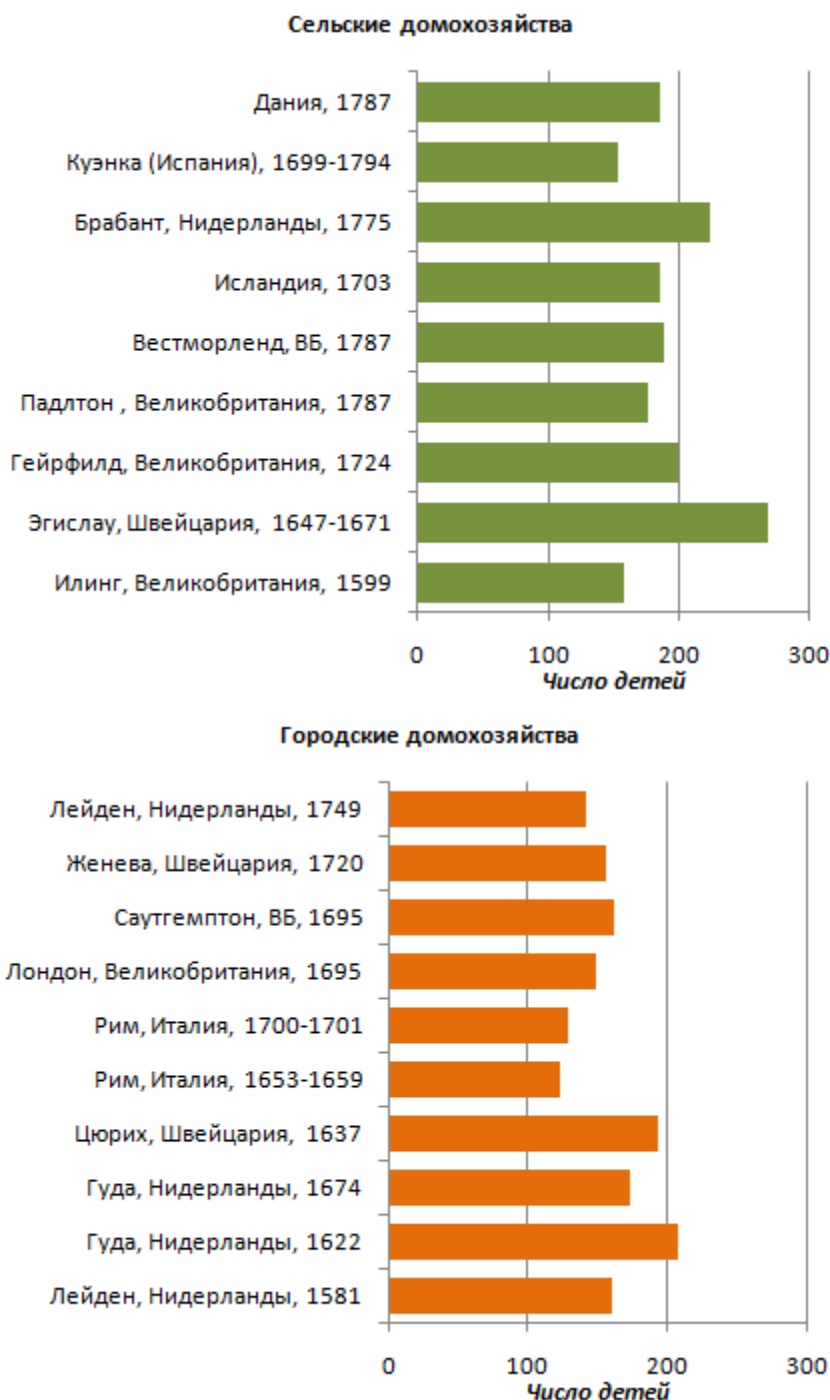
Конечно, бывали и многодетные семьи, у того же Зюссмильха родилось 10 детей, из которых выжило 9. Но он-то сам считал это благословением Божиим, которое достается далеко не всем. «Можно считать правилом, - писал он, - что половина всех родившихся не достигают четырех лет, а двое из трех не доживают до 11-летнего возраста, или что только треть всех родившихся живет больше 10 лет. Даже если в деревне это правило действует с некоторыми ограничениями, я позволю себе утверждать, что и среди крестьянских детей, по крайней мере, половина умирает, не достигнув десятилетнего возраста...

Нам не легко будет подтвердить это правило в каждом отдельном случае. Опыт говорит нам, что есть немало родителей, кои сохраняют в живых всех своих детей, что из десяти или большего их числа нередко умирают лишь немногие. Но зато у других родителей погибают все дети, и родители остаются ни с чем. Многие бедняки и не хотели бы иметь столько детей, другие, напротив, охотно сохранили бы всех, потому что у них достаточно средств, чтобы их воспитать и содержать...

... Бог, и в этом тоже, дает нам понять, что он Бог незримый, но справедливый и мудрый, который в большинстве семей, как кажется, по крайней мере, когда речь идет о смерти детей, отступает от этого правила, что не мешает ему, когда речь идет о целом, применять его с мудростью. Но почему все так происходит? Не пытается ли Бог осуществить свой замысел посылая одним тайное наказание а другим тайные награды? И не дает ли это нам, людям, повод задуматься над этим замыслом, и не поощряет ли нас тем самым следовать нашему долгу и так далее?»⁵

Божественный порядок, как его понимал Зюссмильх, и приводил к тому, что на статистическом уровне (*im ganzen*, писал Зюссмильх) и в Европе, и в России многодетность, как и сейчас, была относительно редким исключением, среднее же число детей в семье если и отличалось от того, какое наблюдается сейчас в европейских странах, то ненамного. Этот вопрос изучался историками-демографами во многих странах, полученные результаты не оставляют места для разночтений.

Например, изучение состава домохозяйств в разных европейских странах в XVI-XVIII веках показывает, что число живущих в семье детей далеко не всегда достигало двух и лишь изредка его превышало (рис. 1).

Рисунок 1. Число детей на 100 домохозяйств в некоторых европейских странах в XVI-XVIII веках

Источник: A. Fauve-Chamoux et R. Wall. Nuptialité et famille // Histoire des populations de l'Europe. I. Des origines aux prémices de la révolution démographique. Fayard, 1997.

Такие же данные имеются и в отношении России. Вот пример, относящийся к русскому Северу. «Число детей редко превышало шесть человек. Естественно, что встречались семьи и с большим числом детей — от 7 до 11, но таких было совсем немного — около 2%. Наиболее же характерны семьи, имеющие одного–трех детей: у монастырских крестьян их 71,8%, а у помещичьих — 67,7%»⁶. А вот более обобщенные оценки по разным частям России. «С конца XV века вплоть до середины XIX века... крестьянская семья по своей численности не претерпевала принципиальных

изменений. В северо-западных районах она находилась в стабильном состоянии, колеблясь в среднем от 5 до 7 душ обою пола; в западных районах — от 7 душ в 1678 году до 8 душ; в Нечерноземном центре с начала XVII в. она возросла с 4–5 душ до 7 душ; в Поморье колебания с середины XVI века наблюдались с 5 до 7 душ; в Поволжье — между 5 и 8 душами и, наконец, в Черноземном центре ее численность со второй половины XVII века до середины XIX века была наибольшей — 8–10 душ⁷. Для крестьянской России были характерны сложные, неразделенные, многопоколенные семьи, в которых могли жить несколько братьев со своими женами, детьми и родителями. При 5-8 членах такой семьи число детей на одну супружескую пару едва ли могло превышать 2-3.

Таким образом, сравнительно небольшое, в среднем, число выживающих детей у супружеской пары при весьма высокой рождаемости и объясняющийся этим очень медленный рост населения — фундаментальные черты традиционного Божественного порядка, которые и оказались поставленными под вопрос историческими переменами, резко ускорившимися с конца XVIII века. Ключевую роль в этих переменных сыграло одно из величайших исторических завоеваний — огромное снижение смертности.

Снижение смертности нарушает традицию, не встречая особого сопротивления

Согласно библейскому преданию, первые потомки Адама жили по 800-900 лет, но «когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: ... пусть будут дни их сто двадцать лет» (Быт. 6, 1-3).

С тех пор отпущенные человеку сроки жизни не изменились, но и сегодня их полное использование — большая редкость, доступная немногим. На протяжении же большей части человеческой истории, хотя единицы и доживали до глубокой старости, в среднем, люди жили не более 30, максимум 35 лет, и даже это было большим достижением, которое стало возможным, благодаря прогрессу материальных условий жизни человека и выработке системы культурных норм, направленных на возможное в этих условиях сохранение человеческой жизни.

С древнейших времен у всех племен и народов существовало огромное разнообразие локальных норм витального поведения, культурных предписаний, касающихся сохранения жизни и здоровья, бытовых правил ухода за младенцами, национальной кухни, методов и приемов народной медицины, традиционной магии и других подобных практик. В традиционной практике «каждый период жизни, а часто почти каждый повседневный шаг сопровождается ритуалами и действиями, направленными на обеспечение здоровья и благополучия. К тому же жизнь заполнена всевозможными табу, среди которых многие касаются режима питания, должны помочь избежать болезней»⁸.

Многие из этих норм (но далеко не все), до известной степени, защищали человеческую жизнь от неблагоприятных воздействий природной и социальной среды. Но эффективность всех подобных локальных нормативных систем была низкой, чему соответствовала и крайне низкая средняя продолжительность жизни. Тем не менее на протяжении истории их эффективность все же повышалась, и, как полагают исследователи, уже в постнеолитических аграрных и оседлых обществах это было связано с определенной унификацией жизнеохранительных практик за счет отбора и распространения наиболее эффективных из них. Венгерские палеодемографы Дьердь Ачади и Ян Немешкери, пытаясь проследить сдвиги в смертности и продолжительности жизни в далеком прошлом, отмечают, в частности, появление тенденции к «интеграции смертности» в эпоху античных империй. «Это означает, что населения с более сбалансированной моделью смертности жили в сходных социальных и экономических условиях в более крупных смежных регионах»⁹. Важным этапом унификации эффективных жизнеохранительных практик было возникновение мировых религий, которое способствовало распространению на огромных территориях однотипного понимания ценности человеческой жизни и необходимых усилий по ее охране, однотипных бытовых практик и медицинских процедур.

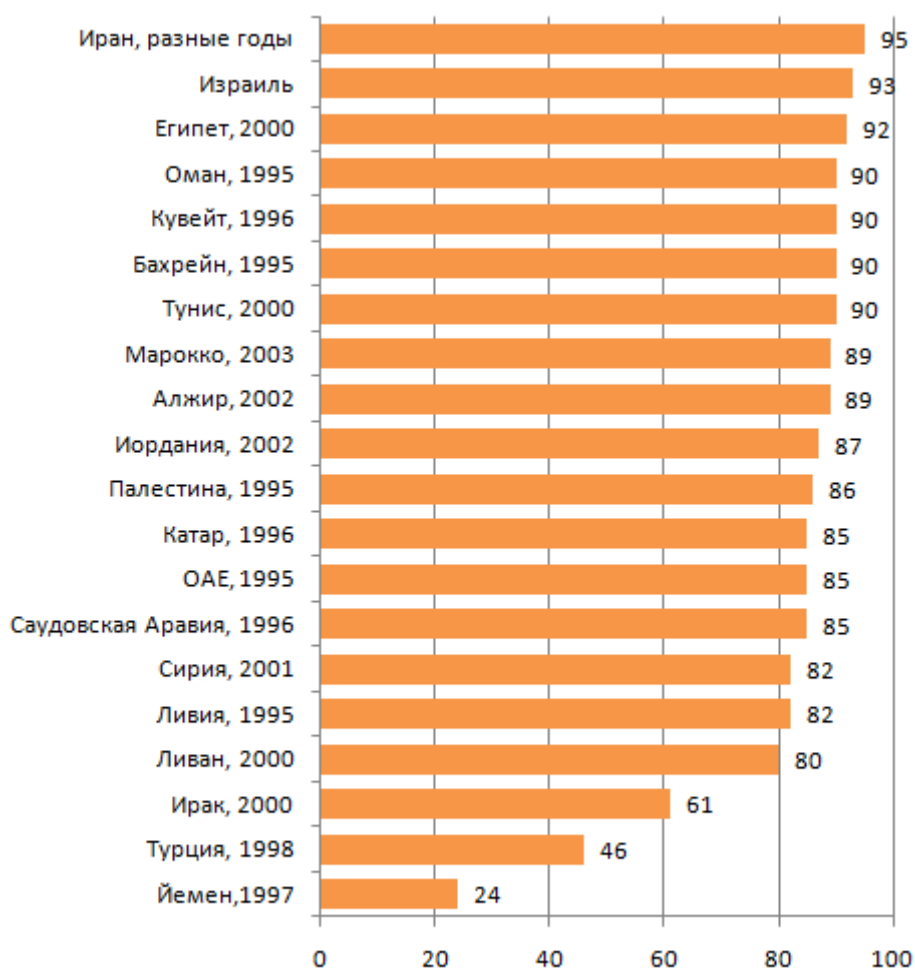
Отношение к жизни и смерти и вытекающие из них культурные рекомендации, которым люди следовали в своей практической деятельности, были важнейшим звеном всей культурной традиции любого народа, одной из ее главных опор, с которой связывались понятные всем представления о благополучии или неблагополучии человеческой жизни.

Настал, однако, момент, когда человеческая история подошла к новому рубежу, и люди оказались способными резко увеличить реальную продолжительность жизни и существенно приблизиться к обозначенному в Библии пределу в 120 лет. Теперь отпущенный человеку Богом или природой срок жизни используется уже не на четверть, как было на протяжении истории, а наполовину, а то и на две трети, и процесс приближения к пределу (ректангуляризация кривой дожития) продолжается. Вопрос о том, принималось ли решение об этом небывалом скачке на небесах или он полностью – дело рук человеческих, в данном случае, второстепенный. Снижение смертности и увеличение продолжительности жизни всеми были восприняты как благо, сторонников возврата к прежней средневековой смертности практически не существует. Новый «порядок вымирания» поколений утвердился или утверждается повсеместно, что дает основание говорить о новом историческом типе смертности.

Конечно, нельзя сказать, что утверждение нового типа смертности прошло совершенно безболезненно. Ведь оно потребовало очень серьезных изменений в массовом поведении людей, которое до этого регулировалось культурными нормами, соответствовавшими совершенно другим условиям. Не удивительно, что когда подтвержденные многовековым опытом традиционные ценности и практики сохранения и восстановления здоровья, снижения смертности и продления жизни, столкнулись с непривычными нововведениями, нередко прямо перечеркивающими весь накопленный опыт, то первой реакцией оказалась реакция отторжения. Она проявлялась в самых разных формах – от «холерных бунтов», когда народ «не верящий ни в какие противохолерные средства, ... приписывал усиленную смертность среди себя «господам»: они же посыпают и в воду и на овощи такое зелье, от которого люди мрут, как мухи»¹⁰ - и громил больницы, до порицания Л. Толстым (устами своего персонажа) матери, верящей в способность медицины спасти больного ребенка. «Если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдешь». Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и ее детей вне власти людей, а во власти только бога, и тогда бы она не мучалась тем, что в ее власти было предотвратить болезни и смерти детей, а она этого не сделала»¹¹.

Стандартные примеры отторжения нетрадиционных медицинских практик дает история вакцинации, распространение которой в европейских странах шло постепенно, начиная с конца XVIII века, и которая, при ее появлении, постоянно наталкивалась на сопротивление, питаемое народными предрассудками. Например, The Vaccination Act, принятый в Великобритании в 1853 году и введивший обязательную вакцинацию детей до 3 лет, вызвал массовое сопротивление, в некоторых городах доходившее до открытого бунта. В 1885 году в одном из них состоялась массовая манифестация против вакцинации, собравшая до 100 тысяч человек¹². Еще более сильное недоверие к вакцинации проявлялась, когда она достигла Индии. В индийской газете конца XIX века описывалось, как местные жители после прививки «втирают в кожу мел или муку, чтобы, если возможно, предотвратить проявление пузырьков на руках их детей». Еще в начале 50-х годов XX века в Индии старики давали подобные советы молодым людям, а иногда и просто рекомендовали им скрываться, когда в деревню приезжали медики, производящие вакцинацию¹³.

Тем не менее, новые культурные практики и соответствующая им культурная парадигматика демонстрировали свою эффективность с такой убедительностью, что противодействие им было сломлено очень быстро. Антивакционистские настроения не совсем исчезли и сейчас, но массовая вакцинация стала общепринятой процедурой даже в странах, в которых сохраняются и охраняются очень многие элементы традиционной культуры (рис. 2), их «традиционализм» не мешает усвоению и других новейших санитарных и медицинских подходов, распространение которых позволяет говорить о всемирной унификации методов борьбы с болезнями и смертью.

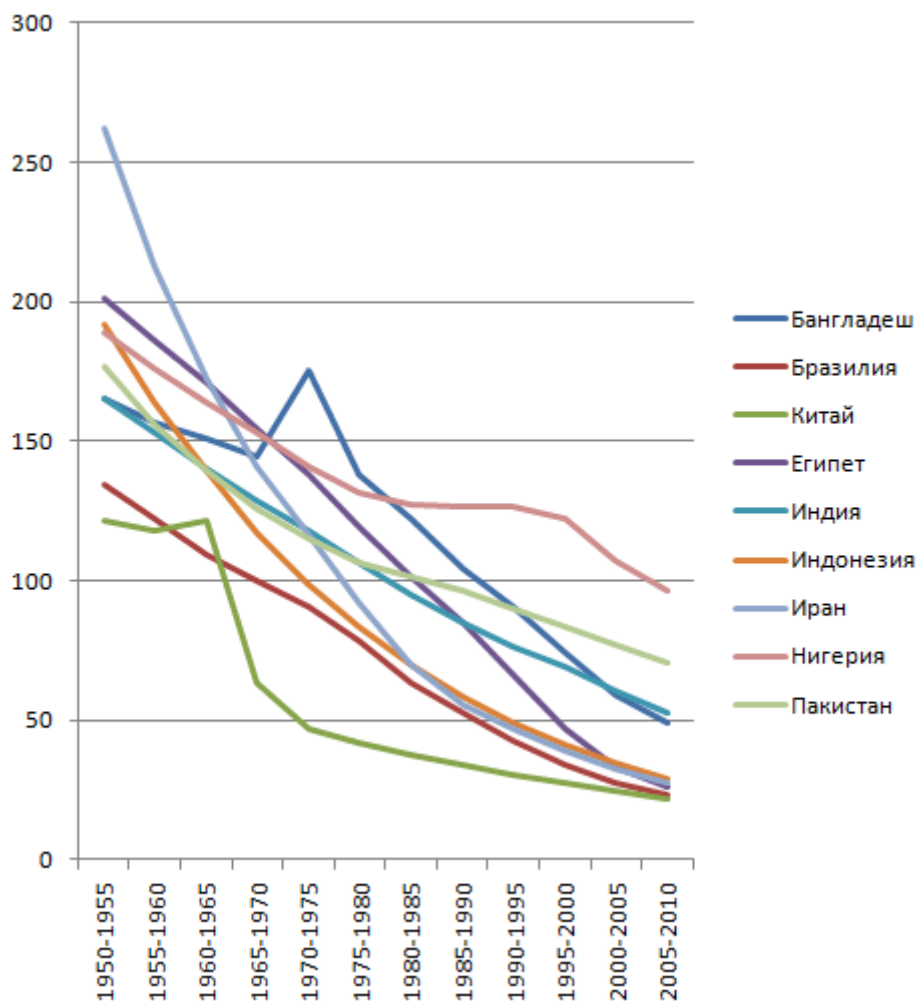

Рисунок 2. Доля детей, прошедших вакцинацию в арабских странах и странах Ближнего Востока (дети, получившие все прививки - против ВСГ, DТСоq, полиомиелита и кори)

Источник: D.Tabutin, B. Schoumaker. La démographie du monde arabe et du Moyen-Orient. Population, 2005, no 5-6, p. 712.

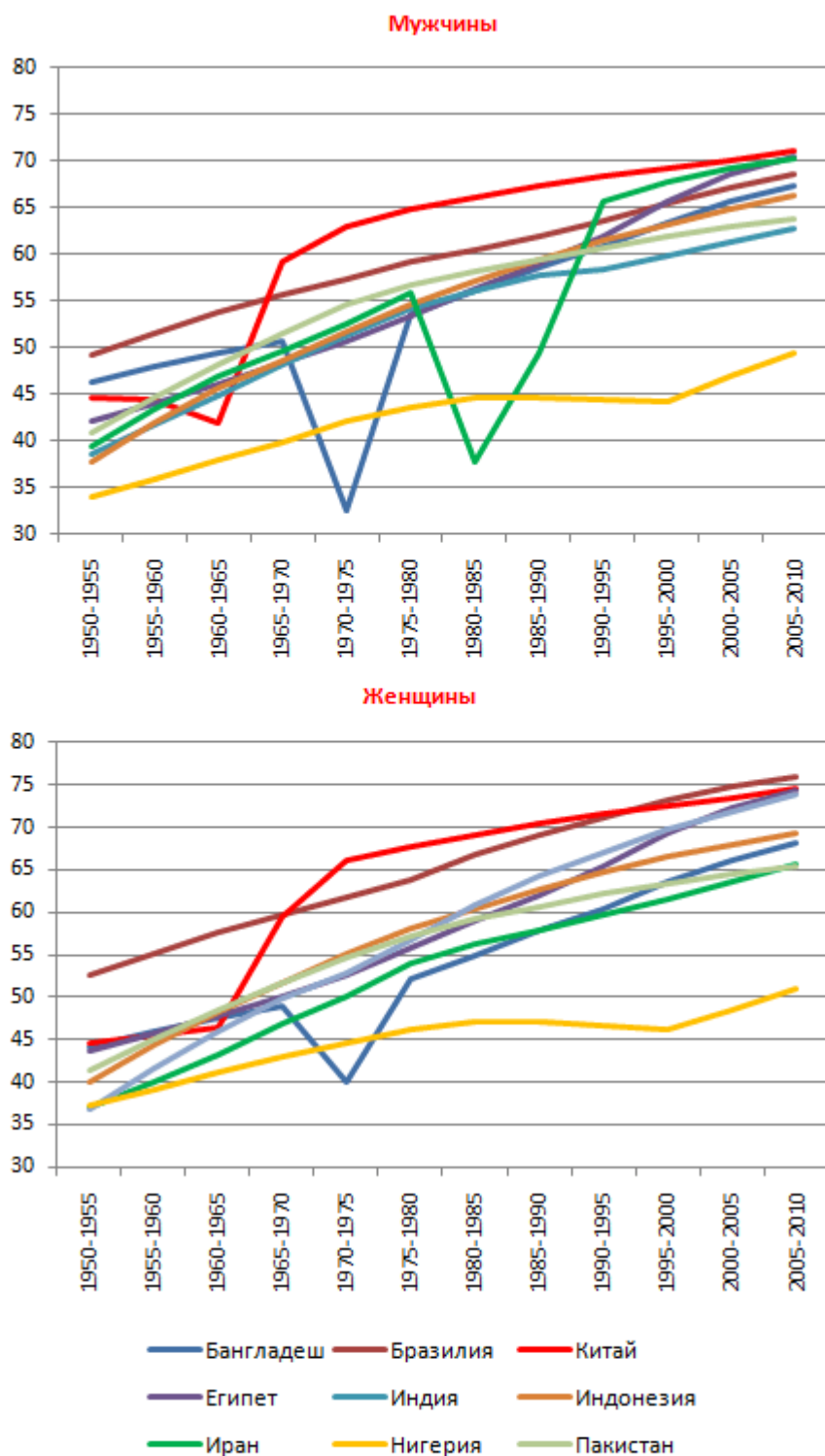
Антибиотики, практика массовой вакцинации, обеззараживание питьевой воды, современные медицинские технологии, методы профилактики, гигиенические стандарты - этот список можно долго продолжать – завоевали весь мир и сделали небывало успешной борьбу человека со смертью. Во всех этих случаях речь идет о несомненных культурных инновациях, представляющих собой плоды новой промышленной и городской цивилизации, которая встречает критическое отношение традиционных обществ. Несмотря на это, они охотно заимствуются всеми странами и народами, даже если на словах они декларируют свою безграничную приверженность традиционализму.

Мировая статистика свидетельствует о том, что и в странах, в которых традиционализм все еще занимает очень сильные позиции и во многом тормозит модернизацию развивающихся обществ, достигнуты огромные успехи в снижении смертности, в частности, младенческой (рис. 3), и увеличении продолжительности жизни (рис. 4), что возможно только при использовании современных универсальных методов защиты и восстановления здоровья человека.

Рисунок 3. Младенческая смертность в некоторых крупнейших развивающихся странах, на 1000 родившихся

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*.

Рисунок 4. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в некоторых крупнейших развивающихся странах, лет

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*.

Развивающиеся страны в целом, конечно, не достигли еще нынешнего уровня развитых стран, но разрыв между ними сокращается, во многих из них ожидаемая продолжительность жизни поднялась до уровня, недоступного самым передовым странам еще в середине XX века.

Традиционные малоэффективные методы борьбы с болезнями и смертью не выдерживают конкуренции с современными методами, основанными на научном знании. Но развитие и распространение этих методов – следствие отнюдь не только научного и технологического прогресса. Ни то, ни другое невозможно без глубоких культурных изменений, которые включают в себя пересмотр как базовых представлений о жизни и смерти, о ценности человеческой жизни, о праве людей бороться за ее сохранение и т.д., так и повседневной бытовой практики, образа жизни, который по ряду ключевых параметров, определяющих здоровье и долголетие, становится неотличимым у жителей Москвы, Нью-Йорка или Токио – представителей новой универсальной медицинской цивилизации.

Происходит нечто, подобное упоминавшейся выше интеграции смертности в постнеолитическую эпоху, с той разницей, что тогда такая интеграция растянулась на тысячелетия, сейчас же она происходит на протяжении жизни двух-трех поколений людей в каждой стране. Заимствования готовых «западных» форм борьбы с болезнями и смертью резко укорачивают путь к низкой смертности, который в самих западных странах был гораздо более долгим. Всемирное распространение современных методов борьбы за сохранение здоровья и жизни людей и соответствующих им представлений и ценностей становится одним из важнейших проявлений современной глобализации.

Что же касается традиционных взглядов и практик, то, хотя некоторые из них и сохраняют свою ценность, и современная наука не отвергает полностью, скажем, приемов и средств народной медицины и даже изучает их с целью использования жизнеспособных находок прошлого, в целом их ждет судьба Перунов, сброшенных с пьедесталов и уносимых в прошлое рекой времени.

Новая цивилизация - цивилизация низкой рождаемости

Небывало низкая смертность становится одним из ярчайших маркеров современной цивилизации, накладывает на нее неизгладимый отпечаток, который проявляется в самых разных областях человеческой жизни. Но прежде всего она нарушает извечное равновесие рождаемости и смертности, основу тысячелетнего «Божественного порядка», и поэтому становится отправной точкой современной демографической революции, приводящей к огромным переменам в семейной жизни людей.

На протяжении тысячелетий высокая смертность была одним из краеугольных камней, на которых выстраивалось все здание традиционных культурных норм, религиозных и нравственных предписаний, регулировавших демографическое поведение людей. В частности, она диктовала повсеместное конвергентное развитие тех принципов социальной жизни, которые затрагивали производство и выхаживание потомства и обеспечивали непрерывность поколений. При всем многообразии культурных форм и норм в этой области, все они покоились на общем основании. В организации семейной жизни, матримониальных правилах, семейных ролях мужчины и женщины и т.п. могли быть немалые различия, но некоторые базовые нормы, принятые во всех крупных культурно-религиозных системах, были одинаковыми. Брак должен был быть почти всеобщим и пожизненным, в женщине видели, в первую очередь, продолжательницу рода, большое число детей рассматривалось как благословение божье, всякое вмешательство в процесс прокреации осуждалось и т.д. Если бы все эти нормы не охранялись культурой и не соблюдались, в условиях высокой смертности человечество вымерло бы.

Резкое снижение смертности привело к тому, что многие из этих норм утратили смысл, начались их эрозия, поиск форм организации частной жизни людей и их культурной оболочки, больше соответствующих новым историческим условиям, которые включают в себя и резко снизившийся уровень смертности.

Первым принципиальным изменением стало снижение рождаемости, еще в XIX в. казавшееся странной особенностью Франции, в начале XX в. охватившее все страны западной культуры, а

позднее распространившееся на весь мир. Будучи реакцией на всеобщее снижение смертности, снижение рождаемости особенно ясно демонстрирует универсальный характер происходящих перемен.

Традиционная высокая рождаемость была столь же неотъемлемой частью «Божественного порядка», как и высокая смертность, которая, собственно, и задавала главные правила семейной жизни. Производство потомства было одним из важнейших приоритетов «семейного труда», задачей брака, решавшейся только после многих лет совместной жизни, потому что смерть постоянно сводила на нет усилия по рождению и воспитанию детей. Традиционные условия жизни не оставляли места для свободы прокреативного выбора, попытки тем или иным способом намеренно ограничить число рождений всегда были маргинальными формами поведения, морально предосудительными, а часто и сурово каравшимися законом.

Изменение «Божественного порядка» в одном звене – исчезновение высокой смертности – необратимо нарушает сложившееся равновесие и влечет за собой цепочку других изменений, без которых восстановление равновесия невозможно. Сохранение традиционно высокой рождаемости при резко снизившейся смертности не просто не нужно, оно становится опасным, порождая массовую многодетность и стремительный рост населения, что вступает в противоречие с экономическими и прочими возможностями отдельных семей и целых государств.

В европейских странах эту опасность, прежде всего, почувствовала семья. Постепенно нараставшее и резко ускорившееся с конца XVIII в. снижение смертности при сохранении высокой рождаемости превращало многодетность из редкого и исключительного феномена во все более массовое явление, что порождало множество непривычных проблем – дробление наследств, недостаток земельных наделов, невозможность прокормить семью и т.п. - и заставляло семьи искать путей возврата к прежнему равновесию, то есть к прежней малодетности. Поначалу это осознали семьи, принадлежавшие к верхним слоям европейского общества – аристократии и буржуазии, но постепенно озабоченность непосильной многодетностью распространилась на крестьянское и городское население. Не случайно основателем неомальтузианского движения, имевшего целью снижение рождаемости в браке, стал Фрэнсис Плэйс, английский рабочий активист, отец 15 детей.

К концу XIX века опасения многодетности докатились и до России, вот размышления на эту тему Долли Облонской – персонажа «Анны Карениной» Л.Толстого. «И все это зачем? Что ж будет из всего этого? То, что я, не имея ни минуты покоя, то беременная, то кормящая, вечно сердитая, ворчливая, сама измученная и других мучающая, противная мужу, проживу свою жизнь и вырастут несчастные, дурно воспитанные и нищие дети... Так что и вывести-то детей я не могу сама, а разве с помощью других, с унижением. Ну, да если предположим самое счастливое: дети не будут больше умирать, и я кое-как воспитаю их. В самом лучшем случае они только не будут негодяи. Вот все, чего я могу желать. Из-за всего этого сколько мучений, трудов... Загублена вся жизнь!» При этом Долли еще не приемлет никаких методов ограничения числа рождений, и у нее на лице появляется «выражение гадливости», когда Анна Каренина передает ей слова врача о том, как это можно сделать. «Открытие это, вдруг объяснившее для нее все те непонятные для нее прежде семьи, в которых было только по одному и по два ребенка, вызвало в ней столько мыслей, соображений и противоречивых чувств, что она ничего не умела сказать и только широко раскрытыми глазами удивленно смотрела на Анну. Это было то самое, о чем она мечтала еще нынче дорогой, но теперь, узнав, что это возможно, она ужаснулась».

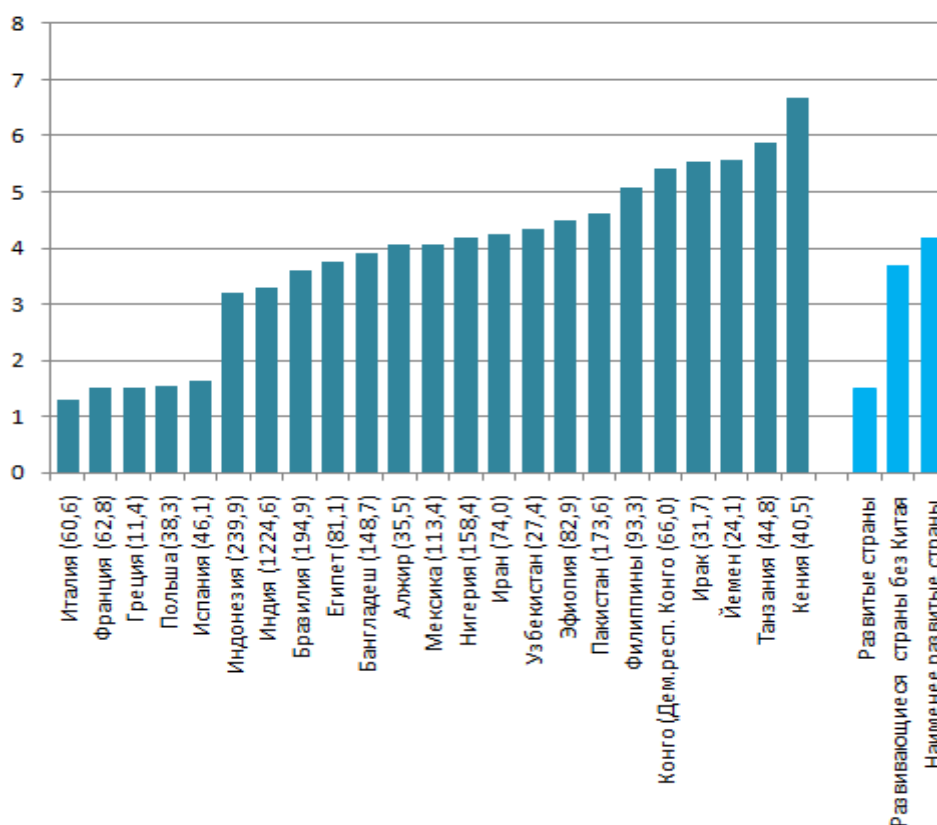
Вопросы, которые ставила перед собой Долли Облонская, давно задавали себе в более или менее явном виде миллионы европейских семей, вынужденных искать ответов на новую ситуацию, вызванную снижением смертности и выживанием в каждой семье все большего числа детей. И все эти ответы сводились, в конечном счете, к одному: к намеренному ограничению числа детей, известному и прежде, но только как маргинальная, культурно неприемлемая или количественно ограниченная (монашеский целибат) практика.

Теперь же проблема ограничения деторождения становится перед всеми, и какими бы способами ни достигалась эта цель – откладыванием браков или пожизненным безбрачием, детоубийством, искусственным абортom, применением противозачаточных средств, – все эти способы вступают в противоречие с традиционными установками на высокую рождаемость. В новых условиях все

попытки сохранить прежние традиционные культурные нормы прокреативного поведения оказываются несостоятельными, и эти нормы быстро отмирают.

В странах европейской культуры, впервые столкнувшихся с массовой многодетностью, это новое явление и вызревало, и осознавалось постепенно, становясь, прежде всего, проблемой семей. На уровне же государства оно не только не осознавалось как проблема, но обычно воспринималось как нечто положительное, как свидетельство народного благоденствия. К тому же в XIX веке, когда учатившаяся многодетность стала ощущаться на национальном уровне в виде ускорения роста населения европейских стран, у них была отдушина в виде заокеанской эмиграции, которая стала заметным явлением социальной жизни в Европе второй половины XIX века (а в России в это время шли интенсивные переселения в Сибирь).

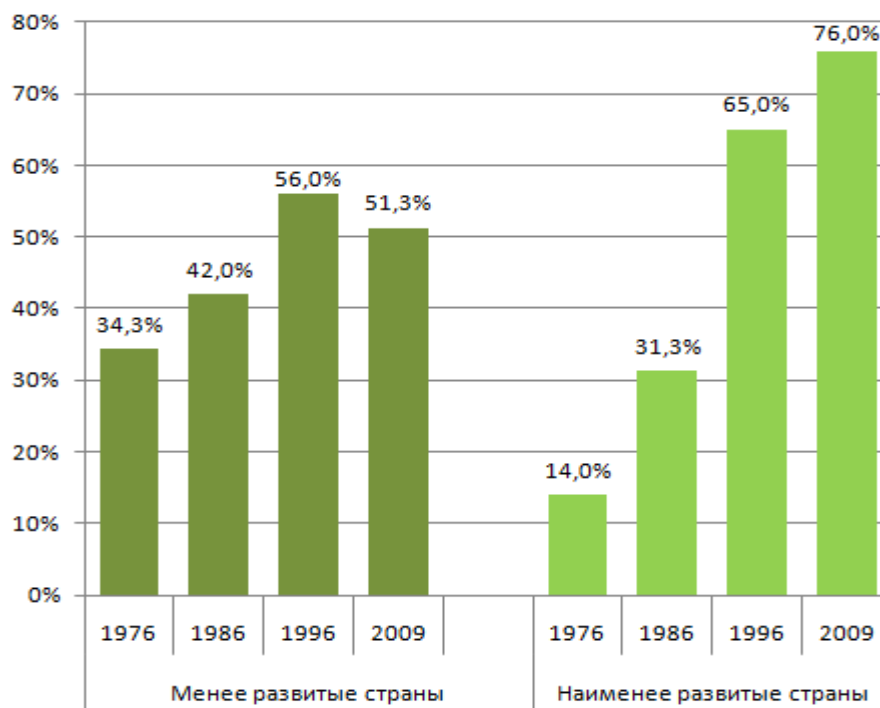
Но когда стремительное снижение смертности с помощью перенесенных с «Запада», уже в готовом виде, медицинских технологий и здравоохраненческих практик привело к небывалому распространению многодетности в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки, то это мгновенно отозвалось на динамике численности населения, которое стало расти беспрецедентными темпами. За 60 лет с 1950 по 2010 год в малодетных европейских странах с наиболее быстрым, по европейским меркам, ростом населения, оно за эти 60 лет увеличилось (иногда – в значительной степени за счет миграции) в 1,3-1,6 раза. В развивающихся же странах, где снижение смертности, гораздо более умеренное, чем в Европе, сочеталось с сохранением высокой рождаемости или медленным ее снижением, что вело к реальной многодетности, рост населения составил за тот же период от 3 до 6 и более раз (рис.5).

Рисунок 5. Увеличение населения некоторых стран между 1950-2010 годами, раз

В целом же население мира, которое, как отмечалось, за десятки тысячелетий своей истории до начала XIX века не достигло и 1 миллиарда человек, сейчас составляет 7 миллиардов, причем только за последние 60 лет увеличилось на 4,6 миллиарда человек, и рост еще продолжается.

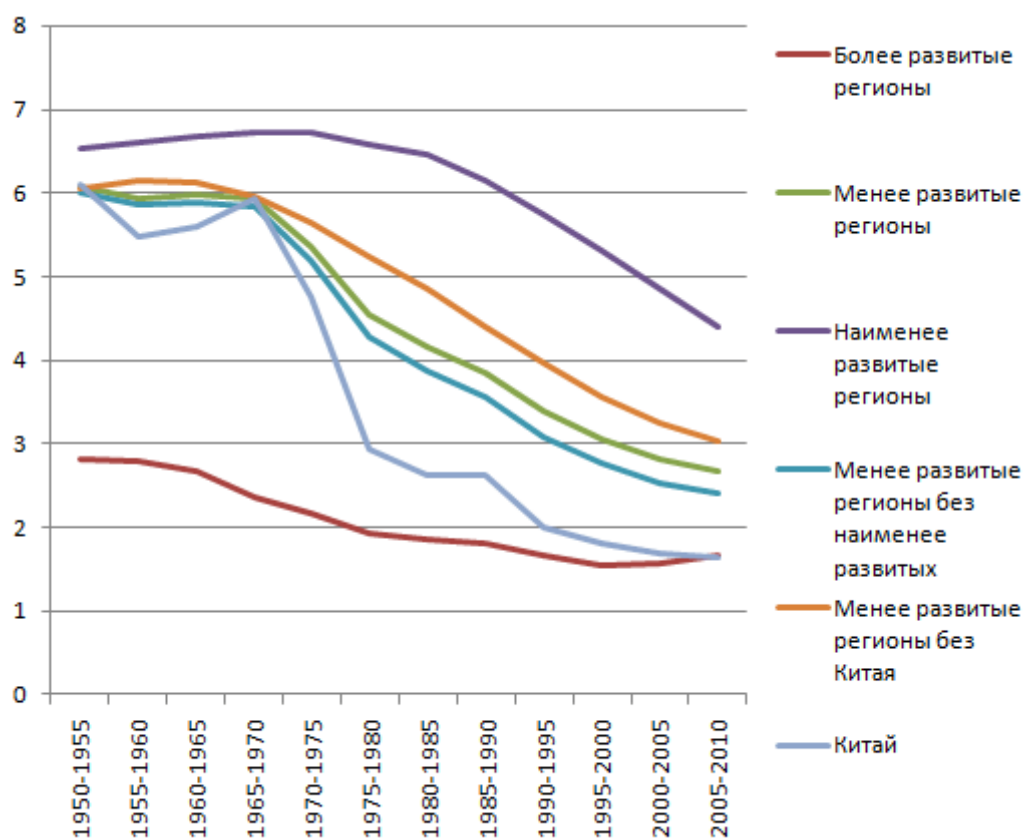
Все это породило или чрезвычайно обострило многочисленные экономические, социальные, экологические проблемы, стоящие перед миром в целом, особенно же перед развивающимися странами, которым, имея и без того крайне ограниченные ресурсы, приходится модернизировать свою экономику, системы образования и здравоохранения, решать множество других вопросов развития в условиях поглощающего ресурсы небывало быстрого роста населения. Поэтому прекращение роста населения, как можно более быстрое снижение рождаемости в этих странах стало первостепенной заботой уже не семей, а правительств. ООН регулярно проводит опросы правительств о том, на что, по их мнению, должна быть направлена демографическая политика в области рождаемости, ответы свидетельствуют о быстром увеличении числа развивающихся стран, считающих необходимым добиваться снижения рождаемости (рис. 6).

Рисунок 6. Доля менее развитых и наименее развитых стран, правительства которых считают необходимым проводить политику, направленную на снижение рождаемости

Источник: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Policies 2009. - <http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2009/wpp2009.htm>

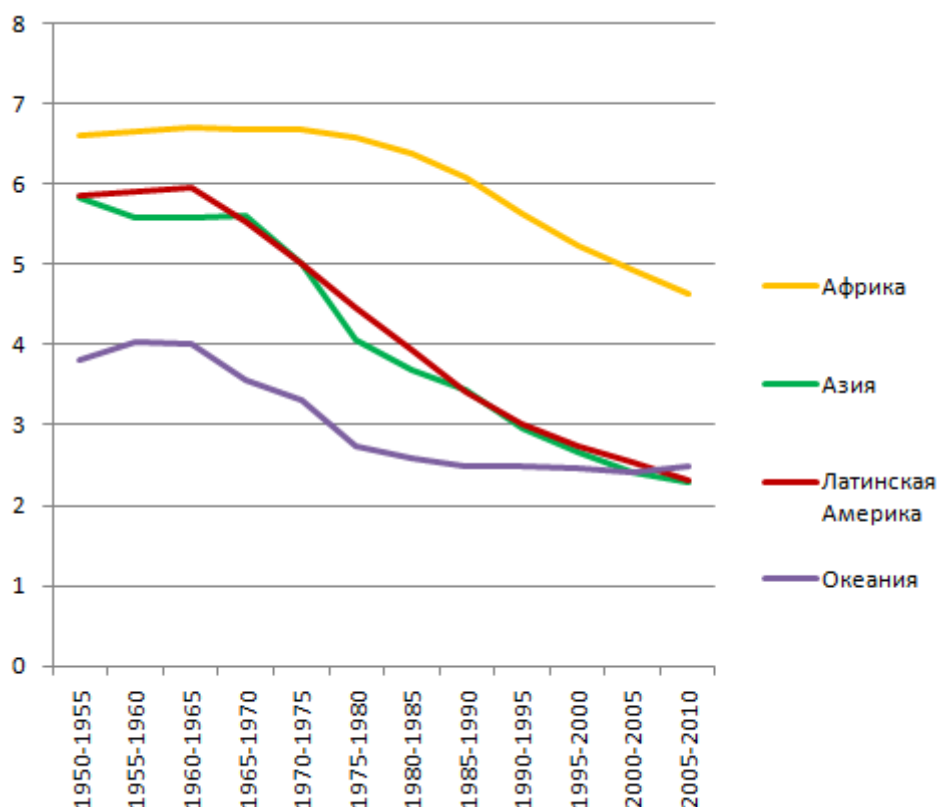
Иногда правительства добиваются этого снижения жестким, диктаторскими методами, и тогда оно происходит быстро, как это было в Китае, чаще используются более либеральные просветительски-пропагандистские методы, и тогда рождаемость снижается медленнее. В некоторых случаях сильная традиционалистская реакция существенно препятствует снижению рождаемости. В целом же рождаемость в развивающихся странах устойчиво снижается, лишь в категории стран, которые ООН относит к наименее развитым, успехи пока не очень велики (рис. 7).

Рисунок 7. Коэффициент суммарной рождаемости в более и менее развитых регионах мира

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*

Географически оплотом высокой рождаемости пока остается только Африка (рис. 8).

Рисунок 8. Коэффициент суммарной рождаемости в Азии, Африке, Латинской Америке и Океании

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*

Снижение рождаемости и в Африке, и в других менее развитых регионах, несомненно, будет продолжаться, и, в конце концов, достигнет уровня равновесия, а, возможно, опустится и ниже этого уровня. Согласно «среднему», наиболее вероятному варианту последнего прогноза ООН, нетто-коэффициент воспроизводства населения всего мира достигнет равновесного уровня ($R_0 = 1$) в 2035-2040 годах и будет продолжать снижаться. Но рост мирового населения сразу не прекратится. В 2043 году оно превысит 9 миллиардов человек, в 2083 – 10 миллиардов и еще какое-то время будет расти, хотя и убывающими темпами. Этот рост прекратится уже за пределами XXI века, и, возможно, тогда начнется постепенное сокращение мирового населения.

Свобода прокреативного выбора и планирование семьи

В европейских странах - пионерах поиска нового демографического равновесия - этот поиск велся стихийно, опробовались различные способы его достижения, но в любом случае они ставили под сомнение главную традиционную норму - культурный запрет на свободу прокреативного выбора, то есть на регулирование родителями числа и сроков рождения детей. Со снижением смертности сохранение этого запрета не просто утрачивает смысл, оно вступает в непреодолимое противоречие с требованиями времени. Этот запрет подвергается постепенной эрозии и, в конце концов, совершенно исчезает. Теперь за каждым человеком и за каждой супружеской парой признается право самим решать, иметь ли им детей и сколько, выбирать сроки появления детей на свет. На первый план выходит вопрос о способах реализации таких решений, который, в конечном счете, решается в пользу так называемого «планирования семьи» с помощью противозачаточных средств. Всеобщий запрет на намеренное предотвращение зачатия сменяется его всеобщим распространением, которое становится культурно приемлемым и даже

рекомендуемым, хотя долгое время параллельно используются и другие, более архаичные методы регулирования численности потомства.

В развивающихся странах, в которых проблема восстановления нарушенного равновесия рождаемости и смертности возникает позднее и приобретает большую остроту, решение этой проблемы все чаще становится заботой государства, а место стихийного поиска культурных и технологических инноваций занимает их заимствование в готовом виде у стран европейской культуры, уже выработавших необходимые стандарты прокреативного поведения. Но такое заимствование оказывается очень непростым, часто встречает сопротивление, гораздо более сильное, чем в случае переноса западных инноваций, позволяющих снизить смертность.

Планирование семьи – небывалая социальная и культурная инновация. В подавляющем большинстве случаев первоначальная реакция на нее со стороны государства, церкви, традиционалистски настроенного большинства населения оказывается определенно негативной. Западная культура приняла ее далеко не сразу. «Поставленная вне общества практика применения противозачаточных средств была приравнена к пороку подобному содомии. Даже атеисты XVIII клеймили это насилие над законами природы»¹⁴. Борьба против «неомальтузинства» - это целая эпоха в жизни викторианской Англии в XIX в. Да и сейчас, несмотря на «контрацептивную революцию», в результате которой использование противозачаточных средств стало повседневной практикой подавляющего большинства мужчин и женщин в странах европейской культуры, оно не одобряется таким важным участником культурного процесса, как церковь. Католическая церковь еще в 1930 г. запретила супругам прибегать к каким бы то ни было способам предотвращения зачатия, кроме периодического воздержания (энциклика *Casti Connubii* папы Пия XI). Несколько десятилетий спустя, в 1968 году, эта позиция была подтверждена папой Павлом VI в энциклике *Humanae Vitae*.

Интересно отметить, что энциклике Павла VI предшествовала работа специально созданной Ватиканом комиссии, большинство членов которой высказалось за разрешение супругам пользоваться противозачаточными средствами, ибо «сегодня регулирование деторождения представляется необходимым большинству супругов, стремящихся к ответственному, открытому и сознательному родительству». Но Папа последовал совету меньшинства, которое полагало, что «если бы Церковь смирилась с отказом от ценностей Доктрины, которая так непоколебимо сохранялась Традицией, с такой силой и торжественностью проповедовалась до самого последнего времени, то возникла бы серьезная угроза ее моральному и догматическому авторитету»¹⁵.

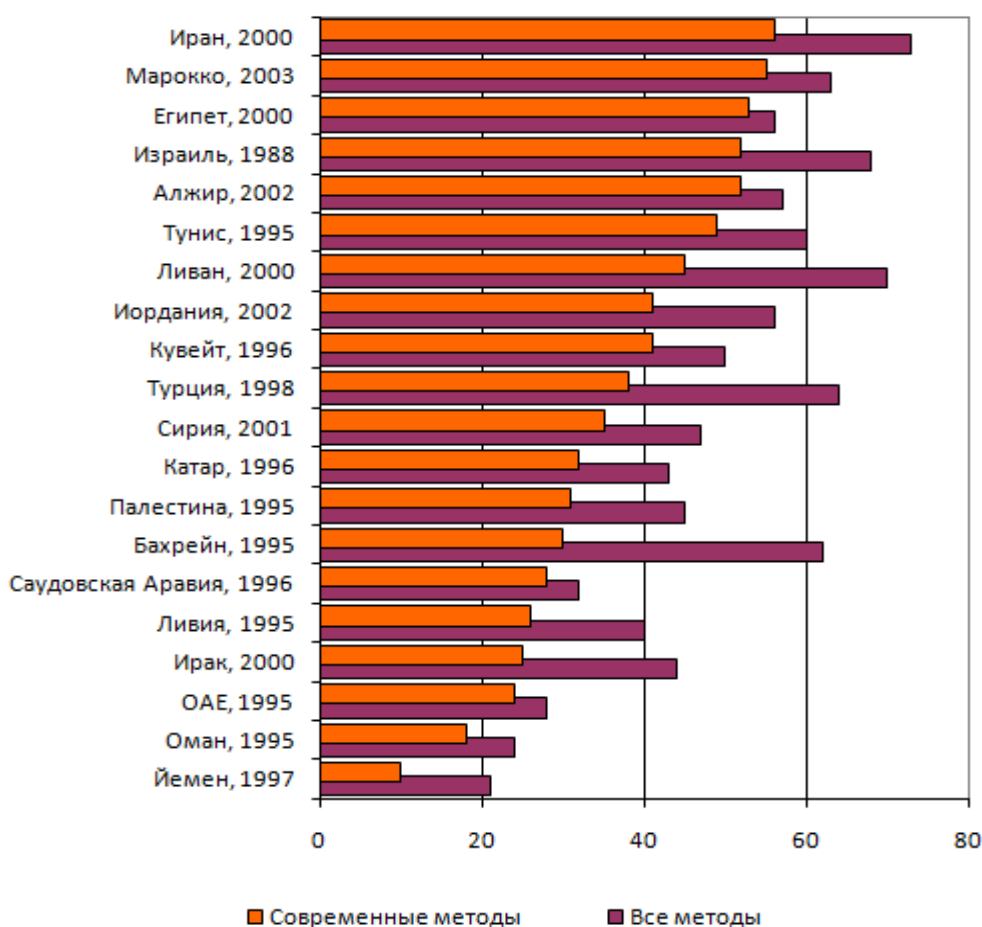
Если в странах европейской культуры неприятие современных методов планирования семьи представляло и представляет собой просто защиту культурной традиции против нововведений, то в странах неевропейской культуры в качестве одного из главных аргументов противников свободы прокреативного выбора нередко выступает защита «национальных традиций» от внешней культурной агрессии. Подобная реакция наблюдалась, например, во время проведения Международной Каирской конференции ООН по населению и развитию 1994 года. «Многие мусульманские сообщества и лидеры выражали подозрительное отношение к инициативам ООН, касающимся планирования семьи и контроля рождаемости. "Совет улемов" Саудовской Аравии, высшее собрание религиозных авторитетов, осудил Каирскую конференцию как "яростную атаку на Исламское общество" и запретил мусульманам участвовать в ней. Судан, Ливан и Ирак присоединились к Саудовской Аравии и заявили, что они также не пошлют делегатов в Каир. Помимо всего прочего, они усмотрели в пункте повестки дня Конференции, специально касавшемся проблем планирования семьи и ограничения рождаемости, навязывание мусульманам западных ценностей и попытку воскресить "колониальные и имперские амбиции"»¹⁶. Это - лишь частный случай общей ситуации, когда «в ходе глобализации европейские и американские культурные формы воспринимаются как вторжение и возрастающая угроза мусульманским обществам. В этом контексте планирование семьи, применение контрацепции или доступность аборта постоянно рассматриваются либо как заговор западных держав с целью ограничить рост и силу мусульманского мира, либо как отражение вседозволенности сексуальных нравов западного общества. Таким образом, проблемы ограничения рождаемости оказываются вынесенными на более широкое минное поле политической и культурной полемики»¹⁷.

Однако на Каирской конференции были слышны и другие голоса, принадлежавшие, в частности, и лидерам крупнейших мусульманских стран. Как заявила на открытии конференции Беназир Бхутто, тогда премьер-министр Пакистана, «эта конференция не должна восприниматься восточным миром как источник универсальной хартии, с помощью которой пытаются пропагандировать супружескую неверность и разрушение семьи. Мы нуждаемся в согласии, а не в столкновении культур... Пакистан не сможет добиться прогресса, если не сумеет противостоять своему демографическому росту. Вот почему в этой стране реализуются многочисленные программы по народонаселению и планированию семьи»¹⁸. Об этом же говорил и премьер-министр Египта Хосни Мубарак. «Серьезность демографических проблем в развивающихся странах требует интенсифицировать усилия, направленные на то, чтобы поставить под контроль демографический взрыв, согласуя их с небесными законами и религиозными ценностями... Не существует противоречия между религией и наукой, между духом и материей, или между требованиями модернизации и необходимостью аутентичности»¹⁹. Таким образом, и в данном случае, несмотря на часто встречающуюся антизападную риторику, речь, скорее, идет все же о полемике внутри исламской культуры и исламского мира, все больше втягивающегося в цивилизационный переход.

Ислам, как и все мировые религии, всегда ориентировал своих последователей на высокую рождаемость. В этом, как и во многих других случаях, обнаруживается не столько различие, сколько сходство различных религий и культур. Исламские богословы и исследователи вопроса утверждают, что в исламе никогда не существовало запрета на контрацепцию и что в исламском мире издавна были известны многие средства предотвращения зачатия²⁰. Однако нет сомнения в том, что сфера применения контрацепции была достаточно ограниченной. Нормы семейной жизни, повседневного массового поведения ориентировали на высокую рождаемость, производство потомства считалось главной целью брака, большое число детей рассматривалось как благословение Аллаха – все это оставляло очень мало места для свободного прокреативного выбора.

Сейчас положение во многих исламских странах очень быстро меняется. Если не во всех, то во многих из них планирование семьи становится обычной практикой, это характерно даже для многих стран Арабского Востока, отличающегося едва ли не самой высокой рождаемостью (рис. 9). «Настоящая контрацептивная революция произошла совсем недавно в трех странах Магриба, в Иране, в меньшей степени - в Ливане - такими темпами, каких нельзя было ожидать еще 20 лет назад. В Марокко, например, уровень использования современных средств контрацепции за 22 года повысился с 19% до 55%; в Алжире, за 20 лет - с 22% до 52%»²¹.

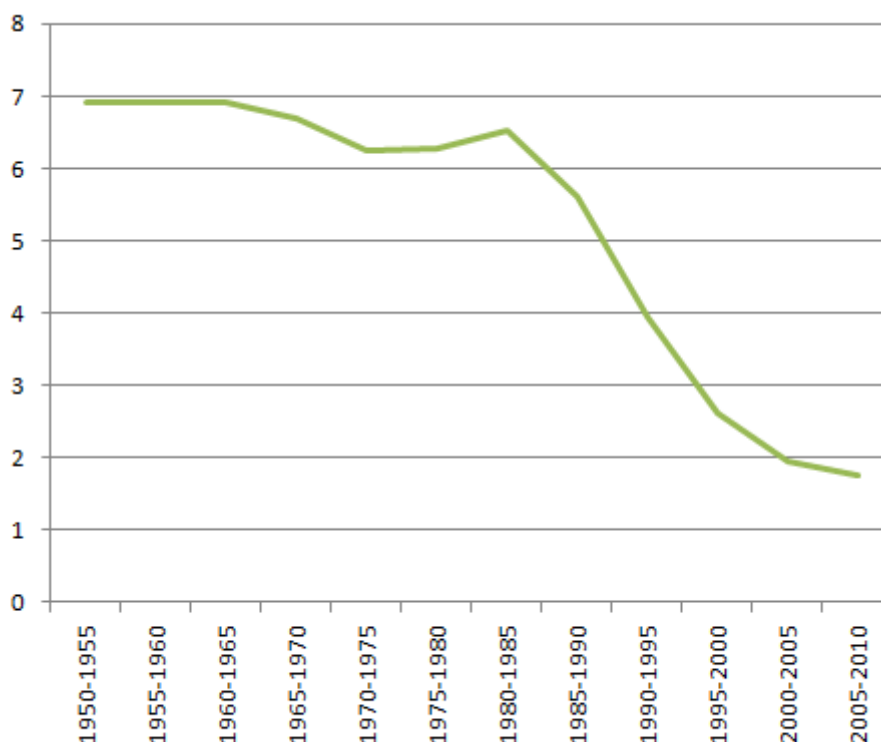
Рисунок 9. Доля замужних женщин, применяющих контрацепцию в некоторых арабских странах и странах Ближнего Востока, %

Источник: UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Contraceptive Use 2003.

Наибольшие перемены в последнее время произошли, пожалуй, в Иране. Декларируемая приверженность многим традиционным культурным ценностям сочетается в этой стране с политикой модернизации, в том числе и демографической, что, как оказывается, невозможно без отказа от многих традиционных норм. Это проявляется, в частности, в успешной реализации программы планирования семьи. Как и многие другие развивающиеся страны, Иран встал на путь реализации таких программ еще в 1960-е годы - первая программа была запущена в 1966 г., но оказалась не очень успешной. Исламская революция 1979 г. закрыла эту программу. Но уже в 1986 г. исламские лидеры, озабоченные быстрым ростом населения (за 10 лет – с 1976 по 1986 г. - оно выросло с 34 до 49 млн. человек) начали реализовывать новую, намного более успешную программу планирования семьи. Уже к 2000 году в прокреативном поведении иранских семей произошли очень большие изменения, широкое распространение получила контрацептивная практика. Доля брачных пар, прибегающих к контрацепции, между 1989 и 2000 гг. увеличилась у городского населения с 64 до 77,4%, у сельского населения – с 31 до 67,2%²². При этом существенно изменилась и структура применяемых противозачаточных средств, доля лиц, использующих современные контрацептивы, повысилась у городского населения с 51,6 до 71,3%, у сельского – с 67,7 до 85,1%²³.

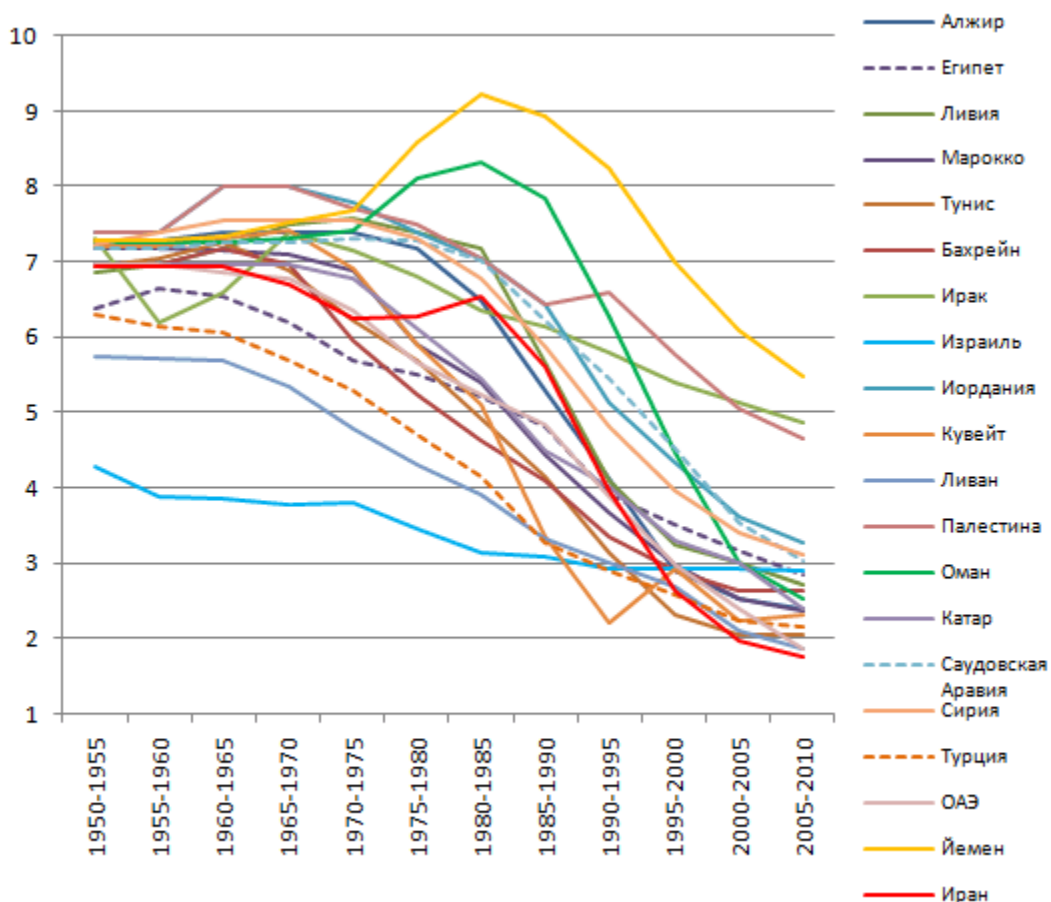
В результате Иран в последние десятилетия демонстрирует необычно быстрое снижение рождаемости (рис. 10). Впрочем, это относится и к большинству его соседей на Ближнем Востоке. В середине прошлого века лишь Израиль выделялся в этом регионе относительно низкой (хотя и

значительной по европейским меркам) рождаемостью. С тех пор рождаемость в Израиле снизилась, но сейчас большинство стран региона имеют рождаемость, более низкую, чем в Израиле. За 60 лет большинство стран переместилось из зоны значений коэффициента суммарной рождаемости 6-7 в зону значений 2-3 рождения на одну женщину. Достигнутый же в Иране уровень рождаемости – самый низкий в этой группе стран (рис. 11). Традиционного прокреативного поведения больше не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран, его последним прибежищем, как отмечалось, остается тропическая Африка, но и там оно едва ли долго удержится.

Рисунок 10. Коэффициент суммарной рождаемости в Иране

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*.

Рисунок 11. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых арабских странах и странах Ближнего Востока

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*.

Автономизация прокреативного поведения и плюрализм индивидуальных жизненных путей

Снижение рождаемости, будучи количественным ответом на снижение смертности, способом восстановления нарушенного тысячелетнего равновесия, потребовало огромных культурных инноваций. К их числу относится, конечно, описанный только что переход к планированию семьи, внедрение контрацепции, в том числе и ее современных методов, в повседневную практику большинства семей. В последнее время все больше внимания привлекают так называемые «вспомогательные репродуктивные технологии» (ВРТ), также оказывающие влияние на прокреативное поведение женщин и супружеских пар. Однако за этими инновациями, которые все же могут казаться чисто «технологическими», стоят более глубокие сдвиги: исчезновение закреплённой всеми предшествовавшими крупными культурно-нормативными системами слитности сексуального, матримониального и прокреативного поведения, автономизация каждого из них.

Эти сдвиги - часть цепной реакции, запущенной снижением смертности, они неизбежны. Но, коль скоро они происходят, они ставят под вопрос всю охранявшуюся тысячелетней традицией культурно-нормативную регламентацию в сфере семейной жизни, ибо влекут за собой многообразные изменения, затрагивающие отношения полов, формы брака и семьи,

внутрисемейные отношения, половую и семейную мораль, положение женщины и ребенка в семье и обществе и многое другое.

Культурно-нормативная регламентация поведения человека в этой исторически совершенно новой ситуации еще только должна сложиться. Сейчас сотни миллионов людей находятся в поиске форм организации своей личной жизни, адекватных новым условиям, статистика фиксирует многие, хотя, вероятно, далеко не все проявления этого коллективного поиска.

Один из разительных примеров – изменение возраста вступления в первый брак и рождения первого ребенка. Еще недавно и тот, и другой снижались, причем в обоих случаях это было связано с переходом к новому прокреативному поведению, казалось рациональным и вполне объяснимым. Распространение внутрисемейного регулирования деторождения, с одной стороны, делало ненужным характерное для Западной Европы откладывание вступления в брак («европейскую брачность», согласно Дж. Хайналу), а с другой, позволяло раньше завершить прокреативную деятельность, не дожидаясь естественного окончания фертильного возраста.

Однако в 1960-е - 1970-е годы, одновременно во многих странах, дали о себе знать противоположные тенденции - возраст вступления в первый брак и рождения первого ребенка, как по команде, стал увеличиваться (рис. 12 и 13).

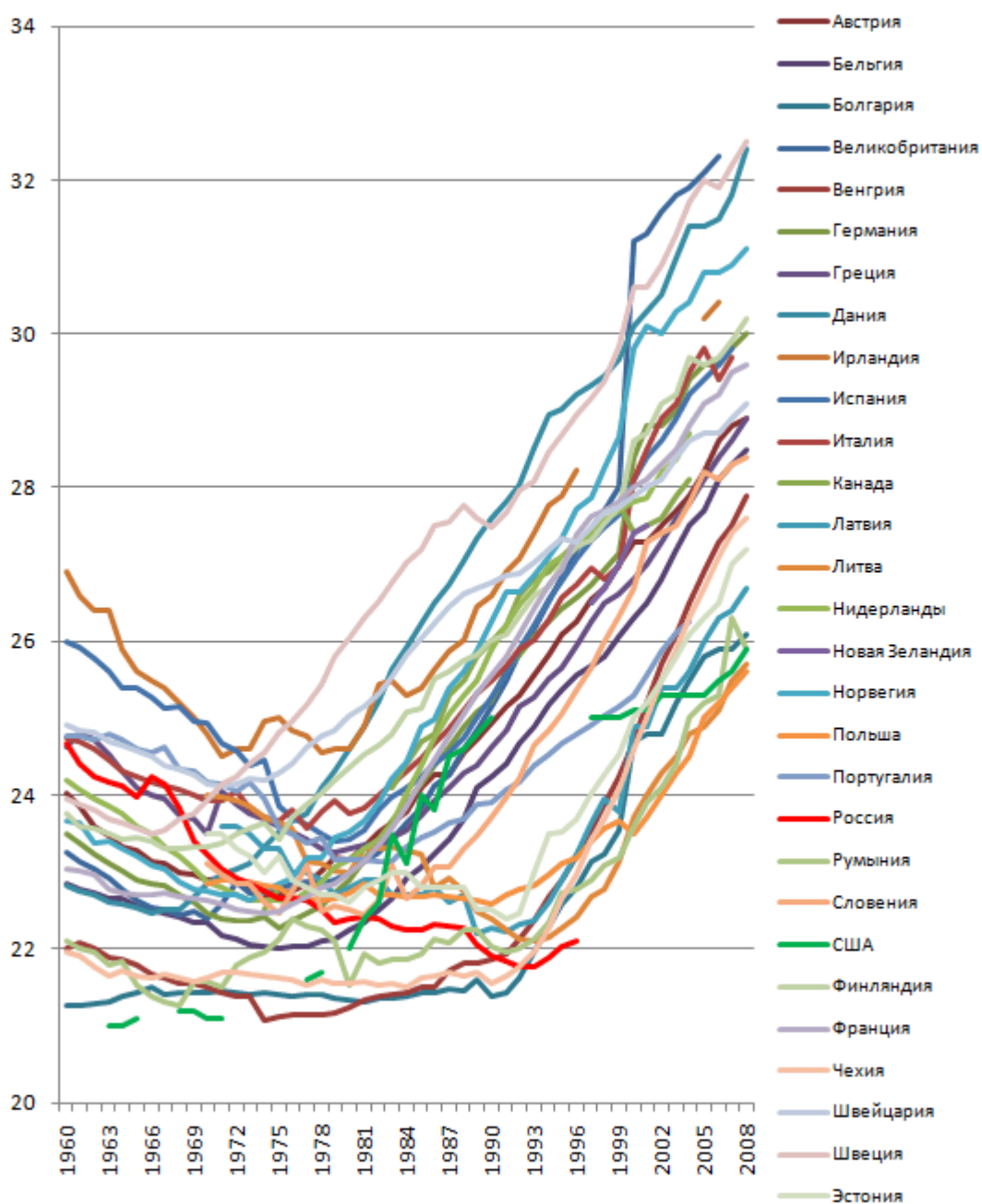
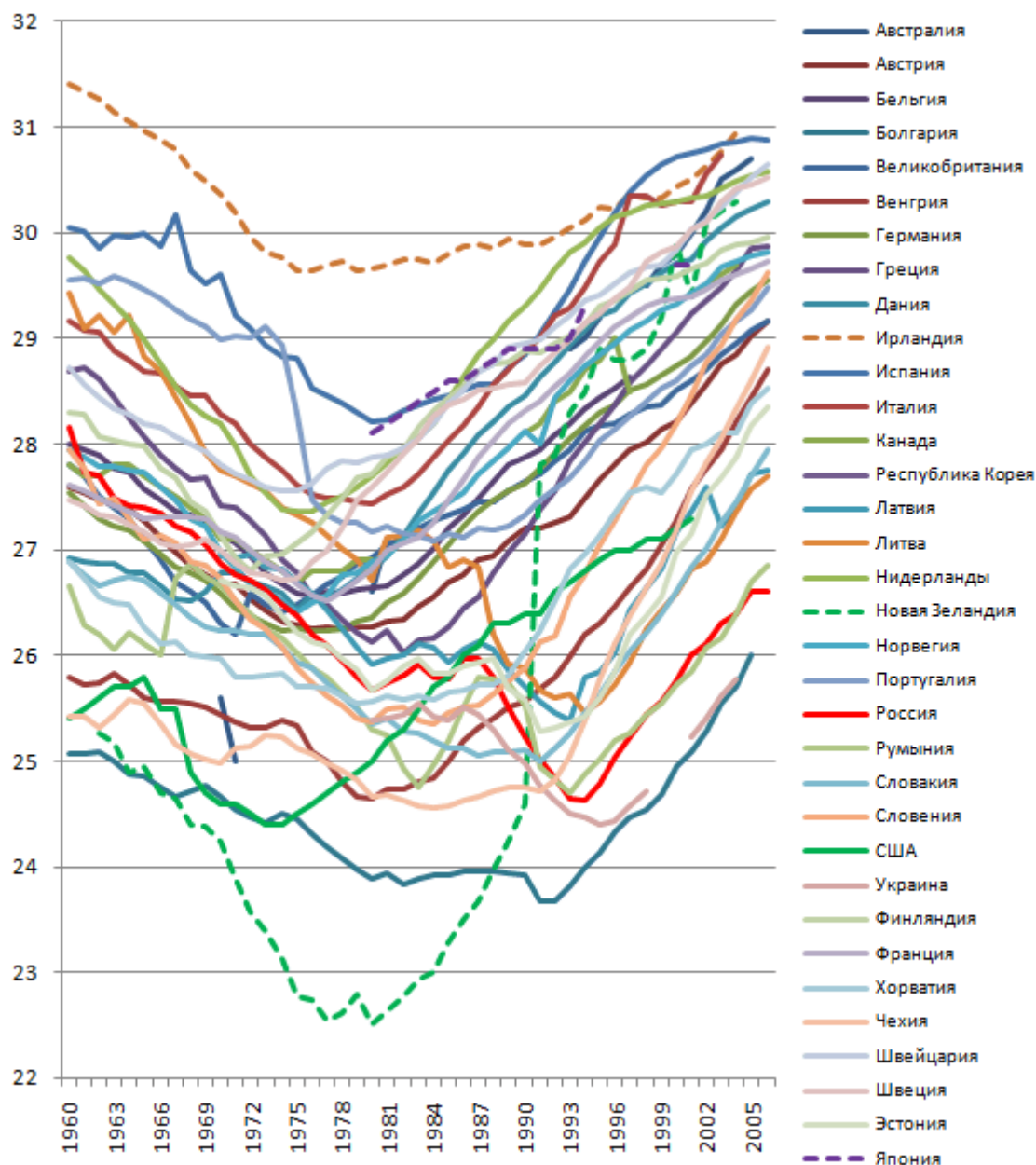

Рисунок 12. Средний возраст женщины при вступлении в первый брак в некоторых странах, лет

Рисунок 13. Средний возраст женщины при рождении ребенка в некоторых странах, лет

Если первая тенденция еще вписывалась в традиционную систему представлений о браке, семейной жизни, семейных отношениях и семейной морали, то вторая уже существенно отходит от них. Сегодня более позднее вступление в брак означает совсем не то, что оно означало в викторианской Англии, когда оно было залогом целомудрия и более позднего начала деторождения, к чему призывал, в частности, Мальтус. Сейчас, напротив, оно сочетается с тенденцией к более раннему половому дебюту, к более или менее многочисленным добрачным связям, а часто и к фактическому браку, который не попадает в статистику, потому что не регистрируется, но не перестает от этого быть браком.

Зато в статистику попадают все рождения вне зарегистрированного брака (они могут быть результатом устойчивого сожительства, по сути, фактического брака, а могут быть и плодом случайной связи). И статистика эта указывает на огромное распространение и быстрый рост внебрачной рождаемости - в некоторых странах уже больше половины детей рождаются без оформления родителями брачных уз (рис. 14).

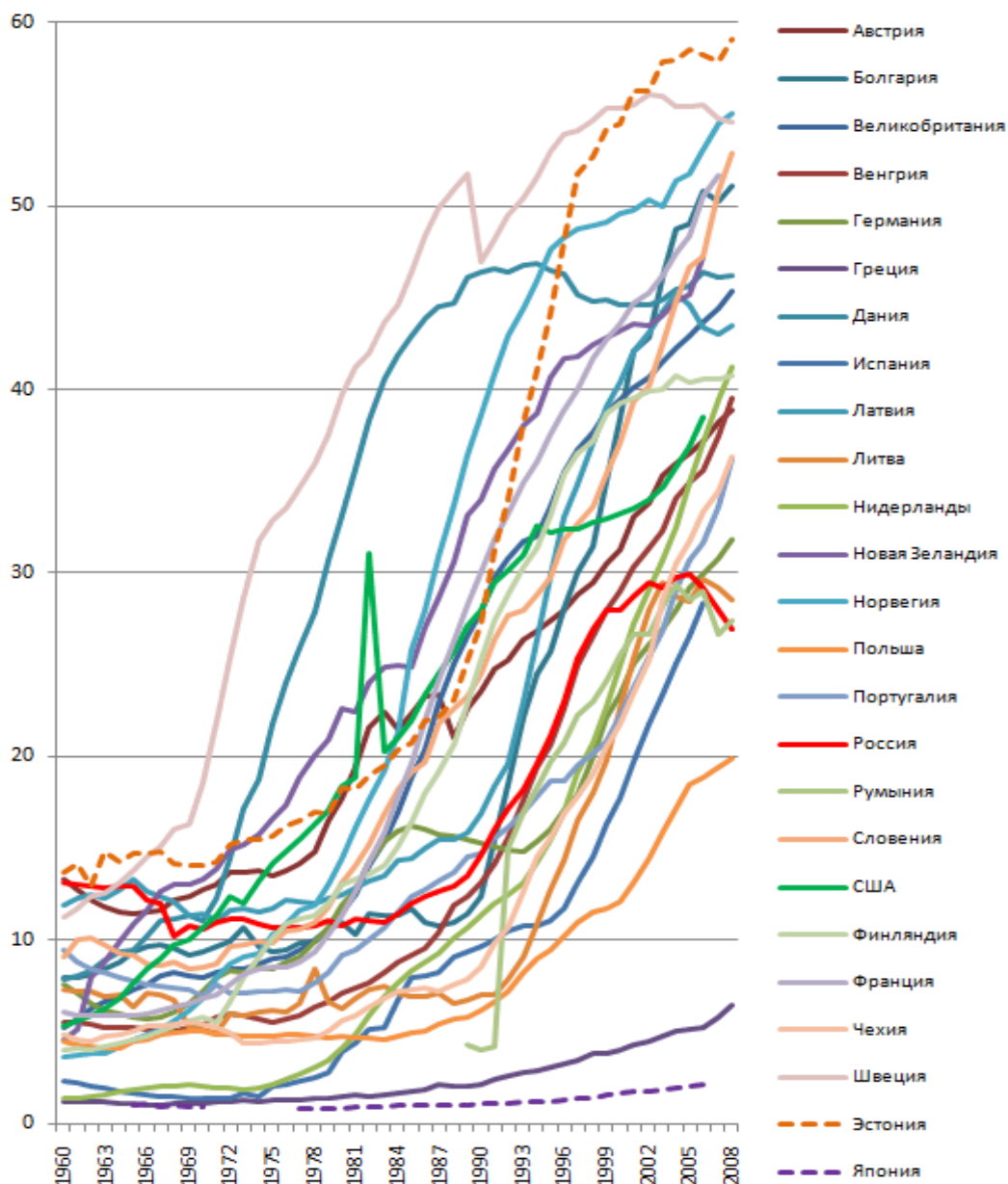

Рисунок 14. Доля детей, родившихся вне зарегистрированного брака в некоторых странах, %

Все эти перемены были бы невозможны, если бы сохранялась традиционная высокая смертность и женщина, супружеская пара должны были бы по-прежнему всю жизнь заботиться о воспроизводстве потомства, чтобы хоть кто-то из рожденных ими детей мог уцелеть и продолжить род. Но перемены стали **неизбежными**, когда, в интересах поддержания **прежнего равновесия** в условиях низкой смертности, прокреативное поведение **должно было** обособиться от сексуального, и рождение ребенка перестало быть неконтролируемым последствием полового акта. Если бы этого не произошло, ничем не ограничиваемая рождаемость привела бы к такому стремительному умножению человечества, на фоне которого даже нынешний демографический взрыв в развивающихся странах, теперь уже более или менее близкий к завершению, показался бы детской забавой. Последствия были бы катастрофическими и, в конечном счете, обернулись бы небывалым подъемом смертности, который, в лучшем случае, вполне традиционным способом вернул бы человечество к прежнему равновесию, а в худшем - вообще положил бы предел существованию человеческой цивилизации. К счастью, человеческое общество отличается от стаи саранчи, которая бездумно размножается, идя навстречу массовой гибели, и оно активно и

сознательно ищет путей преодоления кризиса, к которому привело нарушение глобального демографического равновесия, прежнего «Божественного порядка».

Поиск ведется во всех направлениях, опробуются самые разные варианты адаптации к новым демографическим и социальным реалиям. В странах европейской культуры статистика и исследования повсеместно фиксируют все более частое и раннее добрачное начало половых отношений, раннее отделение детей от родительской семьи, убывающее число зарегистрированных браков и рост числа свободных союзов и других «нестандартных» форм совместной жизни, ослабление прочности брака и увеличение числа разводов, неполных семей, огромную долю детей, рожденных вне зарегистрированного брака, растущее число детей, которые как бы принадлежат сразу нескольким семьям, потому что развод родителей и их вступление в новые браки уже не считается катастрофой, и дети сохраняют связь с обоими родителями, отделение биологического родительства от социального и размывание понятия «родительства». Все более либеральными становятся семейные нравы, все более гибкой - семейная мораль, за эмансипацией женщины идет своеобразная эмансипация от семьи детей и пожилых, все больше ослабевает межпоколенческая семейная солидарность, уступая место социальной солидарности.

Изменения постепенно накапливаются и в постиндустриальных обществах зашли уже так далеко, что дали основание говорить о совокупности этих изменений как об особом, «втором» демографическом переходе²⁴. Существует множество попыток понять детерминанты этого перехода, исходя из экономических, социальных или культурных соображений, связать его с падением нравов, секуляризацией и ослаблением влияния религии, изменением экономической полезности детей, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей», и т.д. По сути, все эти попытки сводятся к тому, чтобы объяснить, почему теперь люди траассируют свои индивидуальные жизненные траектории не так, как прежде. Но в общих чертах ответ и так ясен: потому что отпали прежние жесткие социальные (едва ли не в наибольшей степени обусловленные демографическими соображениями) требования к таким траекториям.

Демографические изменения первичны по отношению ко многим экономическим и культурным переменам, а не вытекают из них. Рождаемость снизилась не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства и отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным, благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека затраты гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде.

Отношение общества к этим поискам далеко не однозначно, ибо и здесь возникает обычный в подобных случаях конфликт внутри культуры (вначале европейской, а затем и всей мировой). С одной стороны, отстаиваются «традиционные семейные ценности», с другой, в процессе адаптационных изменений, учитывающих новые демографические реалии, формируются новые стереотипы массового поведения и появляются новые совсем не традиционные культурные парадигмы, допускающие гораздо более богатое, чем прежде, разнообразие культурно санкционированных индивидуальных вариантов жизненного пути человека, организации семейной жизни, отношения полов, воспитания детей.

В общественных дебатах, как всегда, громко звучат голоса разного рода ортодоксальных консерваторов, которые твердо знают «как надо»: никаких перемен, все должно быть так, как было всегда! Противоположную позицию занимают утопические «футурологи», готовые отказаться от всего, что верно служило человечеству на протяжении его истории (хорошая иллюстрация этой позиции – футурологическая идея превращения материнства в особую профессию, с тем чтобы женщины, не входящие в число профессиональных матерей, могли оставаться бездетными). Однако все эти голоса оказываются слишком слабыми на фоне тектонических сдвигов, которые демонстрирует массовая практика сотен миллионов, в то и миллиардов людей на протяжении вот уже нескольких поколений.

Не имея реальной возможности остановить ускоряющиеся и, видимо, неизбежные перемены, государство на уровне законодательства и правоприменительной практики, церковь, общественное мнение везде вынуждены реагировать на новую, не вполне ясную ситуацию и как-то приспосабливаться к ней, порой игнорируя прочно укоренившиеся культурные табу.

В качестве крайнего примера такой реакции можно привести легализацию, начиная с 1989 г., в ряде европейских (Дания, Норвегия, Швеция, Исландия, Нидерланды, Бельгия, Франция, Германия, Финляндия, Люксембург, Великобритания, Испания, Швейцария, Чехия, Словения, Венгрия, Хорватия, Австрия) и неевропейских (Канада, ЮАР, Израиле, Новая Зеландия и Австралия) стран однополых сожительства. В некоторых странах такие сожительства, хотя они и вводятся в рамки закона, не приравниваются к браку. Так, согласно принятому во Франции в 1999 г. закону о Гражданском пакте солидарности (Pacte Civil de Solidarité, PACS), этот Пакт представляет собой «контракт, заключенный между двумя совершеннолетними физическими лицами разного или одного пола с целью организации совместной жизни»²⁵, но попытка зарегистрировать однополое сожительство как брак была отклонена французским судом. Есть, однако, страны, в которых однополые сожительства могут быть зарегистрированы как брак (Нидерланды, Бельгия, Испания, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Португалия, Исландия, Аргентина, некоторые штаты США).

В любом случае легализация однополых союзов свидетельствует об огромных изменениях в культурных нормах. Сексуальные отношения между людьми одного пола – не новость, однако, как правило, они не получали культурной санкции, часто резко осуждались и преследовались законом. В европейской культуре нового времени отношение к ним было резко отрицательным, само упоминание о них еще сравнительно недавно было табуировано. Аристотель утверждал, что на Крите правитель принял меры «в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, он ввел сожительство мужчин с мужчинами»²⁶. Монтескье же, упоминая об этих мерах, не рискует даже назвать их. «Аристотель свидетельствует о гнусном средстве, к которому прибегали критяне для предотвращения слишком большого числа детей, но чувство стыдливости не позволяет мне о нем говорить»²⁷. Впрочем, это не значит, что французское общество того времени не знало об однополых страсти и не рефлектировало по поводу нее, - вспомним знаменитую повесть Дидро, современника Монтескье, «Монахиня».

Признание однополых сожительства общественным мнением и даже законом противоречит традиционной европейской морали, европейским культурным установкам, и у него есть достаточно много противников. Однако, по-видимому, такое признание связано с более общими изменениями, характерными для «второго демографического перехода». «Эти законы были приняты в общем контексте разочарования в браке. ...Низкий уровень брачности - это один из элементов более широкого круга явлений, таких как рост числа разводов, внебрачных рождений и т.д., ставящих под сомнение классические семейные формы»²⁸.

Новое законодательство отражает растущее осознание однополых сожительства как элемента более сложной, нежели традиционная, системы организации частной жизни людей, допускающей множество альтернативных вариантов и требующей более сложных и дифференцированных норм культурной регламентации. Тем не менее, даже и получившие ограниченную культурную санкцию однополые сожительства остаются все же маргинальным феноменом, будущее которого не вполне ясно. Пока они не вышли за пределы «западного» мира, да и внутри него они признаны далеко не везде. Они приведены здесь в качестве примера, чтобы, обострив постановку вопроса, сделать более ясным сам вопрос: как общество, его институты, его культура могут и должны реагировать на новую ситуацию, сделавшую объективно возможными огромный рост свободы индивидуального выбора в семейной сфере и гораздо большее, чем прежде, разнообразие индивидуальных вариантов жизненного пути.

«Второй демографический переход» - пример новейших изменений, которые, в основном, не выплеснулись еще за пределы Европы. Но, понимая объективную логику демографической модернизации, можно смело предсказывать появление, по крайней мере, некоторых форм нынешнего европейско-американского брачно-семейного плюрализма и в странах с самыми строгими традиционными нормами. Тогда внутрикультурный конфликт, который сейчас характерен для Европы или для России, воспроизведется и в этих странах. Впрочем, конкретные поводы и формы этого конфликта предвидеть трудно, жизнь преподносит иногда и неожиданные повороты.

Скажем, у нас не редкость зомбированные противники планирования семьи, которые убеждены, что оно занесено в Россию американскими лазутчиками с целью подорвать ее демографическое здоровье. Но ни в Китае, ни в Иране – а их никак нельзя отнести к числу больших друзей США – это подозрение почему-то не возникает.

---

¹ *Die göttliche Ordnung in den Veränderungen des menschlichen Geschlechts, aus der Geburt, Tod, und Fortpflanzung desselben erwiesen. 1741.*

² Rohrbasser J.-M. L'Ordre divine: de l'arithmétique politique à la physico-théologie // Süßmilch J.P. L'Ordre divine. Paris, INED, 1998: LXVII

³ Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941, с. 118.

⁴ Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 6.

⁵ Süßmilch J.P. L'Ordre divine. Paris, INED, 1998, §71.

⁶ Бакланова Е. Крестьянский двор и община на русском Севере, конец XVII — начало XVIII в. М., 1976.

⁷ Александров В.. Обычное право крепостной деревни России, XVIII – начало XIX в. М., 1984.

⁸ W.Henry Mosley. Les soins de santé primaires peuvent-ils réduire la mortalité infantile? Bilan critique de quelques programmes africains et asiatiques. In : La lutte contre la mort. Influence des politiques sociales et des politiques de santé sur l'évolution de la mortalité. Ed. Par J. Vallin et A. Lopez. PUF, 1985, p. 130-131.

⁹ Acsády Gy. and Nemeskéri J. History of human life span and mortality. Budapest, 1970, p. 215.

¹⁰ Слезкинский А.Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 года // Исторический вестник, 1893. – Т. 53, № 8, с. 390.

¹¹ Толстой Л.Н. Крейцера соната.

¹² Robert M Wolfe, Lisa K Sharp. Anti-vaccinationists past and present. BMJ 2002;325:430-432.

¹³ Parthasarathy K. S., History of vaccination and anti-vaccination programmes in India. 26 August 2002. (<http://www.bmj.com/cgi/eletters/325/7361/430#24954>).

¹⁴ Сови А. Общая теория населения. М., 1977, т.2, с.179.

¹⁵ Цит. по: Leridon H et al. La seconde révolution contraceptive. Paris ;INED, 1987, p. 24–25.

¹⁶ Shaikh S. Family planning, Contraception and Abortion in Islam: Undertaking Khilafah: Moral Agency, Justice and Compassion. In: Sacred Choices: The Case for Contraception and Abortion in World Religions, ed. by D. Maguire. Oxford: Oxford University Press, 2003.

¹⁷ Shaikh S. Op. cit.

¹⁸ International Conference on Population and Development. Cairo, 5-13 September 1994. Plenary 1st Meeting 5 September 1994. Press Release POP/C/6.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Shaikh S. Op. cit.

²¹ Tabutin D., Schoumaker B. La démographie du monde Arabe et du Moyen-Orient. Population, 2005, no. 5-6, p. 648.

²² Mehryar A.H. Demographic and health survey of Iran, 2000. A summary of main findings. Population studies and research center for Asia and the Pacific, Working Paper No. 9, Summer 20023, p. 67.

²³ Ibid., p. 68.

²⁴ Van de Kaa Dirk J. Europe's second demographic transition. Population Bulletin, vol. 42, No.1. Population Reference Bureau, Washington, March 1987.

²⁵ Le Livre Premier du Code Civil, Titre XII, Chapitre Ier, Article 515-1.

²⁶ Аристотель. Политика, кн.2, VII, 5. Сочинения в четырех томах. Том 4. М., 1984, с. 435.

²⁷ Монтескье Ш. О духе законов. Кн. 23, гл. XXVII. Избранные произведения. М., 1955, с. 516.

²⁸ Festy P. La législation des couples homosexuels en Europe. Population, 2006, no. 4, p. 524.